

РИАННОН ДЭНИЭЛС

УДК 130.2

Доцент, факультет итальянского языка,
Бристольский университет, Бристоль, Англия

АНН О'КОННОР

Старший преподаватель школы языков,
литератур и культур, Ирландский
национальный университет Голуэй,
Голуэй, Ирландия

КАТРИН ТЫЧ

Независимый исследователь

ДМИТРИЙ ПОПОВ

(Перевод статьи с английского языка)
Аспирант, Институт философии,
Санкт-Петербургский государственный университет,
popovdtry@yandex.ru

ИТАЛЬЯНСКИЕ МАТЕРИАЛЬНЫЕ КУЛЬТУРЫ*

Аннотация: В переводе представлены фрагменты статьи, опубликованной в журнале *Italian Studies* — крупнейшем журнале, посвященном исследованию итальянской культуры на английском и итальянском языках. В статье исследуются современные подходы к изучению материальной среды и материальности, в особенности — в применении к исследованию итальянской культуры. Интерес к проблематике материальности в англоязычной исследовательской среде в значительной мере связан с распространением акторно-сетевой теории и пересмотром онтологического положения вещей в культуре. При этом не исключаются и иные подходы, оставляющие область исследований материальной культуры междисциплинарным пространством. В исследованиях материальности итальянской культуры можно выделить несколько тенденций. Первая ветвь связана с понятием «потребления» и анализом различных товаров в их экономическом и символическом измерениях. В значительной мере, исследования культуры потребления фокусируются на исследованиях культуры

Ренессанса, исходя из предположения, что именно в то время были заложены паттерны и символические практики этого культурного феномена. В статье предложено практическое исследование этой темы на анализе артефактов аптек эпохи Ренессанса. Другой значимой областью является исследование книг и литературы. В англоязычной среде, в отличие от итальянской и русской академической традиции, филология как научная дисциплина не имеет большого распространения, и исследованиями текстов занимаются специалисты иных направлений. Помимо анализа текста, современные исследования делают большой фокус на материальность самой книги — исследования материалов, их происхождения, миграции, техник, требовавшихся для их обработки. Различные комбинации отличительных особенностей книг в том числе формировали представления читателей о значимости тех или иных культурных персонажей и событий. При этом центральными фигурами исследований все еще остаются Данте, Петрарка и Бокаччо, что во многом связано с активным финансированием этих исследований, в том числе со стороны итальянского государства. Иная крупная и менее специализированная ветвь исследований связана с символическим измерением материальных объектов. В статье приведен пример подобной работы на исследовании динамики появления, трансформации и миграции монументов Данте Алигьери, которые с середины XIX века занимали центральное место на площадях, выступая в качестве символа нового объединенного государства, а с течением времени стали утрачивать свое место как в центре материальной среды итальянских городов, так и в символическом пространстве итальянской культуры. Предложенные методологии следует рассматривать как возможные пути работы в междисциплинарном пространстве исследований материальности, которые открывают широкие возможности в исследовании и понимании итальянской культуры.

♦ Перевод выполнен по изданию: Daniels R., O'Connor A., Tycz K. "Italian material cultures", *Italian Studies*, 2020, no. 2: 155–175. URL: <https://doi.org/10.1080/00751634.2020.1750272>

Ключевые слова: материальная культура; материальность; новый материализм; thing theory; потребление; мобильность объектов; Италия; итальянская культура; культура Ренессанса; итальянская материальная культура.

Для цитирования: Дэниэлс Р., О'Коннор А., Тыч К. Итальянские материальные культуры / пер. с англ. Д. Попов // *Studia Culturae*. 2023. Вып. 1 (55): *Italian Studies*. P. 203–241. DOI: 10.31312/2310-1245-2023-55-203-241

RHIANNON DANIELS

Associate Professor,
Faculty of Italian Language,
University of Bristol, Bristol, England

ANNE O'CONNOR

Senior Lecturer in the School of Languages,
Literatures and Cultures in
Irish National University Galway,
Galway, Ireland

KATRIN TYCZ

Independent Researcher

DMITRY POPOV

Postgraduate student, Institute of Philosophy,
St. Petersburg State University,
popovdtry@yandex.ru

ITALIAN MATERIAL CULTURES*

Abstract: The translation presents excerpts from an article published in *Italian Studies*, the largest scientific journal devoted exclusively to the study of Italian culture in English and Italian. The article explores contemporary approaches to the study of the material environment and materiality, in particular — as applied to the study of Italian culture. Interest in the problem of materiality in the English-speaking research environment is largely associated with the spread of actor-network theory and the revision of the ontological status of things in culture. At the same time, other approaches are not excluded, leaving the field of material culture studies as an interdisciplinary space. Several trends can be identified in studies of the materiality of Italian culture. The first branch is connected with the concept of “consumption” and the analysis of various goods in their economic and symbolic dimensions. To a large extent, studies of consumer culture focus on studies of the culture of the Renaissance, on the assumption that it was at that time that the patterns and symbolic practices of this cultural phenomenon were conceived. The article includes a practical study of this topic based on the analysis of the artifacts of pharmacies of the Renaissance. Another significant area is the study of books and literature. In the English-speaking environment, in contrast to the Italian and Russian academic tradition, philology as a scientific discipline is not widely spread, and specialists from other areas are also engaged in text research. In addition to

textual analysis, contemporary research focuses heavily on the materiality of the book itself — the study of materials, their origins, migration, the techniques required to process them. Various combinations of distinctive features of the books, among other things, formed readers' ideas about the significance of certain cultural characters and events. At the same time, Dante, Petrarch and Boccaccio still remain the central figures of research, which is largely due to the active funding of these studies, including those from the Italian state. Another large and less specialized branch of research is connected with the symbolic dimension of material objects. The article gives an example of such work on the study of the dynamics of the appearance, transformation and migration of the monuments of Dante Alighieri, which since the middle of the 19th century occupied a central place in the squares, acting as a symbol of the new united state, and over time began to lose their place as the center of the material environment of Italian cities, and in the symbolic space of Italian culture. The proposed methodologies should be considered as possible ways of working in the interdisciplinary space of materiality studies, which open up great opportunities in the study and understanding of Italian culture.

♦ The translation was made according to the publication: Daniels R., O'Connor A., Tycz K. "Italian material cultures", *Italian Studies*, 2020, no. 2: 155–175. URL: <https://doi.org/10.1080/00751634.2020.1750272>

Key words: material culture; materiality; new materialism; thing theory; consumption; object mobility; Italy; Italian culture; Renaissance culture; Italian material culture.

For citation: Daniels R., O'Connor A., Tycz K. "Italian Material Cultures" (transl. from English by D. Popov), *Studia Culturae*, 2023, Iss. 1 (55): *Italian Studies*: 203–241. DOI: 10.31312/2310-1245-2023-55-203-241

Материальные объекты всегда были частью образа, который Италия проецирует на внешний мир: от Венецианского стекла до посуды Alessi, от шедевров Ренессанса до печатных машинок Olivetti, от пиццы до Веспы объекты сплелись с нашим пониманием *italianità*. Исследование материальной культуры в качестве самоцели, а не как подраздела, скажем, археологии, истории искусств, архитектуры или дизайна, в последние десятилетия набрало большие обороты. Необъятность этой темы — её значительная трудность,

но и значительная сила: материальная культура охватывает все объекты, созданные культурой, от предметов наивысшей роскоши до самых скромных *ogetti quotidiani* [1] (повседневных объектов). Она включает предметы украшения, предметы искусства, мебель, орудия труда, вещи, сделанные вручную, продукты массового производства, уникальные предметы и дешевые однодневки [2. Р. 2]. Исследования Материальной Культуры¹ пользуются широким набором традиций и дисциплин, включая, но не ограничиваясь, антропологией, археологией, социологией, географией, психологией, архитектурой, исследованиями литературы, *cultural studies*, философией, историческими исследованиями, историей искусства и дизайном. Широта предмета требует наложения определённых ограничений и лимитов в данной статье: во-первых, под итальянской материальной культурой мы понимаем материальную культуру периодов, которые охватывает журнал *Italian Studies*, периоды, когда итальянский стал общим письменным языком и позже. Хоть и значительные, исследования материальной культуры древней Италии и поздней античности не рассматриваются. Во-вторых, имея в виду условность границ самих *Italian Studies*, установление ограничений поля исследования и попытки перечислить все виды деятельности, которые могли бы быть обозначены как «*Italian Studies Material Culture*», были бы разочаровывающими и, в конечном итоге, искусственной категоризацией. Вместо этого мы решили сфокусироваться именно на открытости *Italian Studies* и исследовать как материальная культура включается в её развивающуюся междисциплинарность. Нет никакого «итальянистского» подхода, методологии или теории, работающей в области Исследований Материальной Культуры, но вместо этого есть динамический

¹ *Material Culture Studies* (англ.) — устоявшийся термин, обозначающий комплексное пространство методологий изучения материальности и материальной среды. (*Прим. перев.*)

диалог с другими областями исследований, которые формируют подходы к изучению итальянских предметов².

Статья начнётся с идентификации критических вопросов в области исследования, за которыми будут представлены некоторые исторические перспективы на точки пересечения между Исследованиями Материальной Культуры и Italian Studies. Затем, мы предлагаем примеры исследований, проведённых итальянистами, которые демонстрируют разнообразие и междисциплинарность исследований материальной культуры и представляют собой три кейса исследований материальной культуры, которые охватывают широкую временную базу, а также различные формы материальности (бумага, керамика, камень). Эти исследовательские кейсы иллюстрируют как материальная культура может преодолевать традиционные географические и хронологические границы (средневековья, пре-модерна, современности), с примерами, которые умышленно противопоставляются друг другу с целью подчеркнуть ценность транс-национальности и транс-временности, одновременно исследуя как эфемерность может быть успешно применена к различным объектам различных временных периодов. В статье мы стремимся сделать акцент на различных типах исследовательских подходов, на междисциплинарность исследования, а также на многообразие, свойственное самому полю исследования. Исследования Итальянской материальной культуры, в частности, разворачиваются от коллекций искусства до эфемерных одноразовых объектов; от мемориальных объектов до продуктов питания; от странностей до чудесного; и от природных материалов до искусственных миров. Эта статья подчеркивает общие проблемные области в этих особых областях исследования, а также методологии и трудности, которые связывают их воедино.

² Авторы этой статьи желали бы поблагодарить Паоло Бартолони, Эмму Бонд, Эбигейл Брандин и Кьяру Джулиани за их вклад в эту работу и за дискуссии об Italian Studies и Материальной Культуре.

Критические проблемы и ключевые подходы к исследованию материальной культуры в Italian Studies

Хотя было бы преувеличением говорить о полноценном материальном повороте в Italian Studies, всё же есть много свидетельств того, что материальный подход внёс значительное и устойчивое воздействие в широкой темпоральной области и в различных аспектах, имеющих отношение к Итальянской культуре. Интерес к материальности, который продолжает развиваться, не был активно поддержан коллективами исследователей Итальянской культуры, но скорее остается спонтанным и в значительной мере дискоординированным³. Различные итальянисты, по большей части работающие независимо друг от друга, направили своё внимание к материальной культуре, области исследований, которая начала набирать значительный вес в гуманитарных и социальных науках с конце XX века⁴.

Для Исследований Материальной Культуры за пределами областей археологии и антропологии, особенно значимы были историки школы Анналов, взрастившие интерес к материальной культуре в среде ранних исследователей культуры модерна, утверждая уже в 1950-х годах, что материальные источники были полезны для понимания повседневной жизни людей, чьи жизни не были представлены в письменных

³ На конференции Канадской Ассоциация Italian Studies в 2019 году, например, не было секции по материальной культуре; на конференции Society for Cultural Studies в 2019 году только одна из семидесяти пяти секций открытым образом фокусировалась на материальной культуре. На эту тему, однако, были проведены несколько конференций, такие как конференция аспирантов «Chiasmi: Cultural Materials/ Material Culture».

⁴ Журнал *Journal of Material Culture* был впервые опубликован в 1996 году, что стало кульминацией объёмной работы, проделанной за предшествующие два десятилетия.

источниках [3. P. 150]⁵. Вовлечение итальянистов в исследование материальности происходило в разное время в различных областях Italian Studies: некоторые исследователи до-модерновых эпох гармонично исследовали материальность на протяжении более чем столетия, в то время как исследователи более поздних исторических периодов начали подвергать сфокусированному вниманию материальность и её концептуализацию только в последнее десятилетие. Чуть позднее, когда этот журнал представил выпуск Cultural Studies в 2010 году, главный редактор Дерек Дункан подчеркнул устремление понимать культуру «в отношении материальности, и сфокусироваться на специфике её восприятия, или же потребления, в той же мере, что и на её производстве» [4]. С того времени большое количество исследований, часто имеющих отношение к Итальянской культуре Модерна, были опубликованы в этом журнале, фокусируясь на таких объектах как симулякры, монументы, фотографии, фонтаны, статуи и железнодорожные станции (см.: [4–10]). Каждая из этих статей исследовала разные культурные вопросы, но, несмотря на это, они разделяли общую заинтересованность материальностью как ключевым элементом культурного конструирования.

Вместо того, чтобы считать рост множества исследований материальности в Итальянской культуре «поворотом», и, следовательно, видеть в нём уход от других областей, более продуктивно рассматривать его как подход, который далее *дополняет* уже междисциплинарное пространство [11. P. 11]⁶.

⁵ В обсуждении *longue durée* Фердинанд Бродель утверждал, что: «материальная цивилизация должна быть изображена, <...> в одном ряду с экономической цивилизацией <...>, которая со-существует с ней, раздражает её и объясняет её *a contrario*. <...> Этот двойной регистр (экономический и материальный) на самом деле является продуктом мультисекюлярного процесса эволюции».

⁶ Как отметили Тара Хэмлин и Катрин Ричардсон, «Материальный поворот — внимание к “материальности” вещей — также очевидный

Действительно, отсутствие единой теории или концептуального аппарата, который мог бы работать для всех исследований, включая материальную культуру, представляется ведущими исследователями как сила, вдохновляющая учёных с совершенно разными бэкграундами привносить различные методологии для того, чтобы справиться с исследованиями отдельных объектов и множества вещей [12. P. 6]⁷. Именно разделяемый интерес к объектам определяет эту область исследований, мы можем сказать, в той же мере, что и разделяемый интерес к материальности Италии может определить область Italian Studies. Одновременно, это многообразие в значительной степени может объяснить довольно низкий уровень самоидентификации в среде итальянистов-исследователей материальной культуры.

В этом междисциплинарном пространстве два методологических подхода могут быть выделены в качестве особенно характерных. Первый может быть описан как биография вещей: близкое вовлечение в объект материальной культуры, которое идёт от объекта к внешнему для того, чтобы узнать больше о нём самом и его месте в культуре. Недавний пример подобного подхода — работа Луки Коттини *Искусство объекта: Рождение Итальянской Промышленной Культуры, 1878–1928*, которая организована по главам, соответствующим

в различных дисциплинах гуманитарных наук последних лет, стремится скорее дополнять, чем замещать существующие методологии».
⁷ «Эта проблема неорганизованного многообразия, вероятно, является одним из камней преткновения в становлении исследований материальной культуры в их противоположности лингвистике <...>. Я хочу предположить, что общность материальности, т. е. любая попытка конструирования общих теорий материальных качеств артефактов, товаров, эстетических форм и т. д., должна быть дополнена другой стратегией, которая обращает внимание на специфику материального поля и пути, по которым сама форма используется для того, чтобы стать тканью культурных миров».

объектам массового потребления (например, велосипеды, граммофоны, сигареты, игрушки) [13]. Анализ этих объектов открывает их трансформацию от коммерческих объектов к эстетическому и философскому образу. Рассматривая время, когда они попадают на рынок и появляются в современных произведениях искусства и литературе, Коттини исследует путь, по которому новые повседневные объекты формируют новые языки, практики и опыты переживаний в контексте ранней Итальянской промышленной культуры. Другая крупная ветка исследований включает в себя формирование групп различных типов свидетельств, которые включают материальные объекты как одну из категорий. *Священный Дом в Италии эпохи Ренессанса* [14], труд, написанный совместно Абигейл Брандин, Деборой Хауард и Мэри Лейвен, использует этот подход. В данном случае, домашний культ исследуются с различных перспектив, включая исследования пространства в связи с религиозными практиками, и личного опыта вместе с объектами культа. Одна из глав целенаправленно посвящена «Священным Предметам», а анализ материальных объектов как составляющих элементов повседневности включен в каждую часть работы. Как демонстрируют два этих примера, в области Italian Studies, материальная культура оказывается интересной и в постмодернистских подходах, которые отрицают традиционный акцент на артефактах высокой культуры, и в исследованиях пре-модерна, которые постоянно встречаются с проблемой реконструкции частичных исторических свидетельств.

С развитием широкого поля Исследований Материальной Культуры, оно породило ветвь «нового материализма», который внутри себя состоит из наслаивающихся и соревнующихся друг с другом под-областей, включая, среди прочего, Thing Theory, Акторно-Сетевую Теорию, Объектно-ориентированную Онтологию, а также Постгуманизм. Центр различий концепций «старого» и «нового» материализма лежит

в субъектно-объектном разделении и градации агентности, которая атрибутируется вещам. Дуалистические отношения субъекта и объекта является эмблематикой «здорового смысла», понимания, что люди создали артефакты, которые мы исследуем, и что объект нашего интереса в гуманитарных науках логически является природой бытия человека. В области Italian Studies, которая имеет корни в исследовании языка, этот дуализм естественно уживается с семиотическим разделением на означающее и означаемое. Действительно, вдохновившись исследованиями, среди которых Умберто Эко, Ролан Барт и Брюно Латур, исследования итальянского языка, которые имели отношение с *oggetti (quotidiani)* (повседневными объектами) или *cose* (вещами) современного мира, также часто пользовались семиотическими интерпретациями, в особенности используя оптику семиотики социального (см.: [15–17]). В то же время методологическое разделение между старым и новым материализмом не представляется итальянистам проблемой, исследователи в равной мере заимствуют из обоих лагерей. Для новых материалистов, объекты не являются инертными и ожидающими, что в них вдохнут жизнь человеческие агенты. Даже в области материальной культуры был произведен поворот в сторону самоорганизующихся «вещей», которые состоят из активных сил. Вещи не только производятся людьми, но могут быть сопродуктивными в сети человеческих и не-человеческих акторов, обуславливая и устраивая человеческую жизнь и опыт. Однако, в среде новых материалистов существуют различные перспективы на то, в какой степени объекты считаются отдельными образованиями с их собственной эссенцией, а в какой материалами, находящимися в постоянном движении. Из области Thing Theory развилась Entanglement Theory как специфически археологический ответ на более широкую проблематику различных теоретических областей, находящихся в напряженных отношениях друг с другом внутри

археологии, но её центральный аргумент применим ко всем дисциплинам и может быть найден выгодным для исследовательских подходов итальянистов в будущем: как утверждает Ян Ходдер, «взаимо-соединение человека и объекта происходит как диалектическое отношение dependence (взаимная опора людей и вещей друг на друга) и dependency (сдерживающая и ограничивающая нужна в людях вещей) [18].

Итальянский философ Ремо Бодей внёс свой вклад в обсуждение отношений между объектом и субъектом в его книге 2009 года *Жизнь Вещей*, предлагая оригинальный взгляд, который опирается на Декарта, Канта, Гегеля, Фрейда, Хайдеггера и Гуссерля, а также на искусство Рембрандта [19]. В одном обзоре английского перевода книги она была резюмирована так:

«для узнавания живости вещей, для овеществления или фетишизации объекта, начинается процесс восстанавливающей любви — отсюда двойное название, которое намечает предварительный проход или траекторию, интенсивный курс феноменологии, который может быть описан как влюблённость, как становление очарованным плотностью чувственной информации, которую мы загоняем под имя “объект”» [20].

И феноменология, и Thing Theory, а также философы как Агамбен, Мерло-Понти, Перниола, а также Брюно Латур, являются ключевыми фигурами, оказавшими влияние на книгу *Объекты в Итальянской Жизни и Культуре* Паоло Бартолини, которая во многом является сумма современных подходов к исследованию Итальянской материальной культуры [21]. Типология связей объектов и людей, избранная Бартолини — вымышленная, чужая, мультикультурная/транснациональная, и искусственная — подчеркивает некоторые области, в которых материальная культура в наибольшей мере сцепилась с областью Italian Studies.

Ключевые дискуссии о материальной культуре: потребление

Значительная часть исторического вклада в Исследования Материальной Культуры в Italian Studies связано с пониманием объектов и вещей как товара. Бартолони подчеркивает, что значительная роль, которая отводится потреблению свидетельствует о том положении вещей, в котором вещи и объекты имеют тенденцию оказываться подчиненными истории жизни людей [21. P. 2]. В Italian Studies значимость культуры потребления была отмечена включением темы в знаковый сборник *Italian Cultural Studies: An Introduction* под редакцией Дэвида Форгакса и Роберта Ламли в 1996 году [22]. В Италии исследователи активно взаимодействовали с культурой консьюмеризма, последствиями экономического бума 1960-х и распространением, потреблением и значимостью объектов промышленного производства в Итальянском обществе [23–27]. Многие ранние исследования Итальянской материальной культуры черпают влияние скорее из области экономической истории, чем позднего поля Исследований Материальной Культуры, и уж точно появились задолго до того, как антропоцентричные подходы были поставлены под вопрос и отброшены. В 1980-х Ричард Голдтвейт высказал предположение, что «материальная культура Ренессанса зародила первую форму консьюмеризма, которая достигла настоящей революционной стадии в восемнадцатом веке и, в конечном итоге, достигла высшей точки в товарной культуре, предполагающей экстравагантную культуру одноразового пользования и привязку к моде нашего времени» [28. P. 31]. Голдтвейт исследовал как потребление роскошных объектов, но также и новых типов модных повседневных объектов, поддерживало рост индустрии за счет возрастающего спроса со стороны высшего и ремесленного классов, которые потребляли объекты, такие как, например, майолика (покрытая оловянной

глазурью керамика), как доступные товары и как объекты искусства; и в Италии и как экспортированные товары за её границей [28. Р. 15–32]. Идея поиска истоков культуры консьюмеризма в эпохе Ренессанса получила большой авторитет и привела к особенной концентрации Исследований Материальной Культуры на этом историческом времени, хотя на практике определения этого периода бывают заданы весьма условно и с лёгкостью растягиваются, обращаясь в прошлое, чтобы охватить и Средние Века [29].

Работа экономических историков проложила путь для социальных, культурных, литературных историков и для историков искусств 1990-х, по которому можно двигаться, развивая свой собственный интерес в материальном мире. Например, в работе *Мирские Блага* Лиза Жарден связывает потребление «экзотических объектов и желанных товаров» в Европе эпохи Ренессанса с распространением торговых сетей среди знати и развивающегося класса торговцев, таких как Медичи [30]. Другие исследовали, как торговля между Италией и другими культурами, в особенности между Венецией и Исламским Миром, вдохновляла этот интерес к экзотическим товарам и какие влияния оказывали эти процессы обмена на Итальянскую производственную культуру [31; 32]. Историки искусств концентрировались на практиках коллекционирования у знати и гуманистов [33–35]. Внимание историков искусств так же обращалось к приобретению и роли объектов в домашнем пространстве, хотя, в большей степени, в контексте средних и высших классов [36; 37]. Жаклин Мари Мусаккио и другие исследовали материальную культуру любви, брака и семьи, изучая обручальные подарки, свадебные кольца, а также декоративные *cassoni* (свадебные сундук) [38–40]. Интерес к обрядам перехода в домашней жизни также привёл к изучению материальной культуры, связанной с беременностью, деторождением и детством, исследую такие объекты как *deschi di parto* (подносы для рожениц) и *maiolica*

impagliata или наборы assouchement (декоративные сосуды и блюда для использования женщинами в послеродовой период), колыбели, игрушки, а также детские амулеты [41; 42]. Материальная культура человеческого тела также стала центральным местом для исследователей, анализировавших создание, практики ношения, символизм предметов одежды и украшений: например, одни исследователи анализировали богатые церемониальные костюмы и повседневную одежду знатных мужчин и женщин, в то время как другие подчеркивали роль аксессуаров, таких как pianelle (туфли с высоким каблуком), вуали, ароматизированные перчатки, а также ювелирные изделия в деле конструирования персоны эпохи Ренессанса [43].

Ключевые дискуссии о материальной культуре: литература и книги

Продолжительная дискуссия в рамках междисциплинарного мира материальной культуры включает в себя место и функцию объектов в литературных работах. На конференции «All Things Considered», проведённой в Ирландском национальном Университете в Корке в 2018 году, многие вопросы итальянистов были сфокусированы на репрезентации материальной культуры в текстах таких авторов как Данте, Буццати, Кальвино и Бассани [44]. Художественная литература имеет значимую роль в *Объектах в Итальянской Жизни и Культуре* Бартоломи, которая включает анализ вещей в работах Звево, в то время как Коттини рассматривает присутствие индустриальных объектов в работах Серао, Гоццано, Д'Аннунцио и Пасколи. Действительно, для Коттини присутствие таких объектов как часы, фотографии и велосипеды в литературе означает значительную трансформацию объекта из предмета коммерции в эстетический образ. Интерес к объектам в литературной сфере отражают схожие исследования French Studies и подчеркивают делящуюся важность книг для

Italian Studies, даже в более широкой области исследования материальной культуры. Важно, однако, что этот интерес не ограничен лишь литературным изображением объектов, но охватывает и изучение самой книги как объекта. В Italian Studies существует длительная традиция создания истории книг, которая одновременно вносит ценный и значительный вклад в область, которая сегодня широко описывается как Book History. В сущности, история книг может быть понята как подвид Исследований Материальной Культуры, хотя это редко признается на практике. Собственное развитие этой области из разных дисциплин и методологий означает, что она не занимает уютный уголок в границах Исследований Материальной Культуры, и определение её в теоретических терминах вызывает затруднение. В дополнение, многие исследователи считают, что определение области исследования со ссылкой лишь на «книги» является чрезмерно узко сфокусированным на форме кодекса: такие формулировки как «материальный текст», которые позволяют более свободные определения материальных форм, включая свитки, таблички, выбитые надписи, значительно преобладают.

В целом, очень маловероятно, что исследователи Итальянской культуры определяют себя историками книг (точнее, филологами или кодикологами), если только их образование не происходило в англоязычном мире. Нео-Лакманнианская школа Итальянского текстуального критицизма, созданная такими исследователями как Джорджио Паскуали и Микель Барби в первой половине двадцатого столетия, и сегодня имеет определяющее значение в литературных исследованиях на полуострове. В этом контексте, средневековая традиция манускриптов трёх корон — Данте, Петрарка и Бокаччо — остаётся доминирующей областью финансирования, хотя итальянские филологи также продолжают поддерживать связь с исследованием модернистской литературы. Когда филология стала уходить из моды в других местах, она осталась

поводом гордости для итальянистов, создав интересное напряжение с близкой дисциплиной истории книг, также называемой Новой Филологией [45]⁸. Особый характер итальянской традиции манускриптов, отмеченный распространением текстов на народном наречии, авторским многообразием и текстами непрофессиональных писцов, обращает особое внимание обстоятельствам передачи и многообразию письменных свидетельств таким образом, что материальность рукописных кодексов остаётся ключевым элементом филологической традиции, которая не видела нужды переизобретать себя в качестве «новой»⁹.

Так как филология была очень значительной областью Italian Studies, развитие основных направлений истории книг из исследований языка, литературы и истории (а не, например антропологии или психологии) воспитало интерес к книгам скорее как к тому, что содержит текст, чем как к объектам *per se*. Отсюда цель исторического исследования книг в целом состояла в большей мере в изучении истории рукописей или

⁸ Создание одноимённого журнала в 1998 году можно рассматривать как материальный знак широкого признания дисциплинарного поля, понимаемого как Book History.

⁹ Известно, что журнал *Speculum* посвятил специальный выпуск «Новой Филологии». В 1990 году в статье «Введение: Филология в Культуре Манускрипта» [46] Стивен Дж. Николс обозначает пути по которым филология, обозначенная в целом, пришла к отрицанию материального объекта: «Если кто-то примет во внимание только лишь измерения средневековых иллюминированных рукописей, станет ясно, что филологические практики, которые рассматривали манускрипт с точки зрения только лишь текста и языка, серьёзно игнорировали значение дополнительных элементов, которые были неотъемлемой частью средневековой практики создания текстов: визуальные образы и аннотации различных форм (рубрики, подписи, подстрочники и интерполяции) (pp. 1–10 (p. 7)). Несколько лет спустя Альберто Вальваро опубликовал текст в защиту Итальянской традиции, которая напрямую возражает эссе [47; 48].

печатных книг для понимания как конкретный текст или автор были воспринимаемы в различные исторические периоды, а не в уточнении как люди тактильно взаимодействовали с поверхностью бумаги или переплѐта, вне зависимости от текста, находящегося в книге. В исследованиях до-модерновых итальянских книг меньшее внимание уделялось самим материалам (например, процессу производства бумаги и чернил), а больше тому, что можно назвать культурой манускриптов или печатной культурой [49; 50]. Эти культуры книги объединяют исследования социальных и культурных практик, которые группируются вокруг процессов создания рукописной или печатной книги, в которых используются заранее сформированные материалы, такие как бумага, велень и чернила, и материалы для их сборки, такие как клей и кожа, а также исследования читающих коллективов, которые возвращаются вокруг и взаимодействуют с книгами¹⁰. С 2011 года в Italian Studies выделили область исследования устной культуры раннего Модерна совместно со спонсируемым фондом European Research Council проектом под руководством Брайана Ричардсона об использовании устной речи в отношении манускриптов и печати [51]. Еще одной важной линией исследований материальной культуры в отношении книг продолжает быть работа с паратекстами, которые могут фокусироваться на индивидуальных аспектах текстуального объекта, такими как посвящения на титульной странице, или фокусировать на отношениях между отдельными паратекстами и, тем самым, исследовать форму в которой страницы книги организованы как спроектированные объекты [52–56]. Графический дизайн продолжает быть продуктивной областью более широкого исследования современной Итальянской культуры дизайна,

¹⁰ История книги также обозревает производство и потребление текстов, которые производились устно и в цифровой форме, а также в отличных от кодексов формах, таких как свитки

объединяя изучение типографий, иллюстраций и книжных планировок [57–59].

Материальная культура на практике

Как может пристальное внимание к объектам, населяющим материальный мир, помочь нам развить более глубокое и сложное представление об Итальянской культуре? Этот раздел представляет исследование трёх кейсов различных объектов — керамической банки, статуи и книги художника — с целью продемонстрировать на конкретных примерах манеру, в которой материальная культура может расширить возможности исследования в рамках Italian Studies и открыть без того неизученные пространства культуры и практик. Три примера принадлежат трём разным временным периодам (шестнадцатый, девятнадцатый и двадцать-первый век), что способствует использованию метода вопрошания, который движется сквозь время — и в будущее и в прошлое — с целью учесть различные виды потребления и запутанные и развивающиеся связи материальной культуры. Каждый объект воплощает в себе различную форму материальности, но мы осознанно выбрали объекты и подходы, которые позволяют подчеркнуть некоторые пути, по которым исследование физических объектов может вести нас к исследованию эфемерности и взаимопересечения присутствия и отсутствия.

Исследование аптекарской банки эпохи Ренессанса

В 1885 году Итальянская керамическая банка шестнадцатого века с надломленными бледно-зелёными ручками, украшенная фантастическими узорами синего, золотого и белого цветов, попала в коллекцию Британского Музея [60]. Как мы, исследователи, работающие в области Italian Studies, должны взаимодействовать с этой банкой как частью материальной культуры так, чтобы прояснить и усложнить наше понимание

Итальянской культуры и внести в него свой вклад? Банка, сделанная из керамики, покрытой оловянной глазурью, известная как майолика, была впервые приобретена Сэром Аугустусом Волластоном Франксом и позже подарена Британскому Музею во время Возрождения Ренессанса в англоязычном мире. Когда другая важная коллекция майолик — принадлежавшая Ральфу Берналу — была выставлена на аукцион после его смерти в 1854 году, Франкс написал письмо попечителям Британского Музея с целью побудить их приобрести коллекцию Бернала, подчеркивая многозначительную природу мойолик и замечая, что непосредственно данная коллекция включает:

«Образцы <...> особой ценности для любого общественного музея. Мистер Бернал в большинстве случаев выбирал такие предметы, которые не только лишь хороши в своем роде, но и имеют на себе даты, имя художника или интересные исторические свидетельства. Это в самом деле коллекция документов, относящихся к различным областям искусства, к которым они принадлежат» [61].

Созданная более трёхсот лет ранее в Тоскане, банка-майолика (*albarello*) прибыла в Лондон как часть того бума коллекционирования предметов эпохи Ренессанса [62]. Как коллекционеры и музейные работники девятнадцатого века хорошо знали, объекты предлагали путь в прошлое, путь через который можно узнать об аспектах культуры, которая не всегда сохранена в письменных источниках, и что объекты — это «документы», которые можно прочесть. Однако, нам, как современным исследователям, важно помнить, что практики коллекционирования сформировали наш образ прошлого и определили «документы» доступные нам. В то время как вещи достойные коллекции были сохранены, другие предметы, не имевшие «дат, имён художников или интересных исторических свидетельств», часто бывали забыты или выброшены.

Объекты, такие как *albarello*, помогают нам исследовать глобальные интеракции между Итальянским полуостровом

и остальным миром. Покрытая оловянной глазурью керамика, созданная на Испанском полуострове стала популярным импортом в Италии в пятнадцатом столетии и вдохновила развитие местных производств майолик, которые вскоре приобрели отличительные Итальянские цвета и дизайны, вдохновляясь зарубежными примерами [63. P. 3]. Albarello цилиндрической формы зародились в Исламских регионах центральной Азии в раннем средневековье как форма аптекарских банок, которая впоследствии была адаптирована гончарами во всём Исламском мире, включая Испанию; когда их стали производить в Италии в пятнадцатом веке, форма была несколько модифицирована добавлением дополнительных ручек [64; 65].

При обжигании оловянная глазурь образовывала белое покрытие на керамической основе, создавая «пустой холст», имитирующий более роскошные предметы. Между границ синих и белых флоральных декораций *alla porcelana*, передняя часть банки украшена и текстом и изображением. В композиции доминирует синий фон с гротескными фигурами, которые появляются из вьющегося растительного узора. В центре человеческий торс с крыльями вырастает из листьев аканта, в то время как озлобленные дельфины и монстры расцветают из листьев с обеих соседних сторон [65. P. 183–184]. Такие типы декораций, известные как гротеск (*grottesche*), распространились как оммаж недавно обнаруженному Золотому Дому Нерона, что иллюстрирует очарованность эпохи Ренессанса искусством и культурой Древнего Рима [66]. Так же как albarello стал частью коллекции из-за его ассоциации с Италией эпохи Ренессанса, его оригинальные декорации были также вдохновлены вкусом к прошлому.

Майолики также цветостойки и остаются неизменными, несмотря на столетия использования и подверженность воздействию элементам. В отличие от картин, чьи пигменты и лаки могут обесцветиться, майолики дают возможность

взглянуть на цветовую палитру Ренессанса [63. Р. 4–7]. Несмотря на то, что цвета остаются теми же как и в день их обжора, содержимого *alborello* уже не существует. Это отсутствие иногда отмечено присутствием надписей. На *alborello* Британского Музея, например, слова COMINO PESTO указывают на то, что когда-то в нём находились измельчённые семена тмина [65. Р. 183–184]. Находясь в ряду на полке магазина или монастырской аптеки, надписи на аптекарских банках давали возможность визуально упорядочивать ингредиенты. Как отметила Эвелин Велч, надписи обеспечивали маркер аутентичности и качества для поддержания уверенности потребителей в качестве аптекарских товаров, в то время как выставление модных банок привлекала посетителей [67. Р. 151–153]. Эта банка была частью набора, надписи некоторых были подписаны на народном наречии по их содержанию, например «шафран» и «горечавка», для того, чтобы ориентировать покупателей, которые не владели латинскими наименованиями¹¹. В то время как задняя часть этого *albarello* пуста, другие образцы декорированы историческими сценами, религиозными образами, современными фигурами, Латинскими и Итальянскими фразами или символами, включая те, что обозначали аптеку или монастырь, где они находились.

Comino, или тмин, может быть известен нам сегодня как ингредиент для кулинарных рецептов. Рецепт, записанный в шестнадцатом веке поваром Бартоломео Скаппи, работавшим для папы римского, приписывает использовать измельченный тмин в курином или мясном супе *comminata alla Romanesca* [69; 70. Р. 72]. Однако в Италии эпохи Ренессанса *comino pesto* имело применение за пределами приготовления

¹¹ ZAFARANO (шафран): Victoria & Albert Museum, идентификационный номер музейного объекта: 7841–1861; GENTIZANA (горечавка): Victoria & Albert Museum, идентификационный номер музейного объекта: 7840–1861; SLI. RI. P (измельченный шалфей?): Fitzwilliam Museum, идентификационный номер музейного объекта, см.: [68].

пищи. Полезный домашний рецепт «A far che le zenzale o voi dir mossoni no[n] ti becchino» указывает что из семян измельченного тмина можно сделать пасту, смешав их с белым вином. Эту субстанцию можно разбрызгивать по дому, в особенности возле окон для того, чтобы не давать комарам попасть внутрь, и уберечься от их болезненных укусов [71]. Другая книга, посвященная искусству охоты, предлагала методы для поддержания здоровья охотничьих собак, рекомендуя владельцам замешивать измельчённые семена тмина в собачью еду летом, потому что они излечивают проблемы с желудком, которые возникают из-за особой жары, «questo comino fa l'alito loro odorifero, et caccia via ventosità» [72. P. 65].

Чтобы сохранять содержимое свежим, банки накрывали кусками кожи, бумагой или пергаментом, вероятно, использовали остатки тканей, которые связывались нитью [73. P. 43; 67. P. 66, 154]. Теперь, когда он извлечен из оригинального контекста и выставлен на обозрение в музейной витрине, объект напоминает и о материальной культуре, которая была сохранена, и о той, что была потеряна. На первый взгляд, эта банка может воплощать в себе то, что мы типизируем как визуальную культуру Ренессанса и интерес к античности, но она отражает больше, чем только это, это документ, который позволяет нам задавать вопросы и разбираться в областях исследования за пределами сохранившегося объекта в пользу эфемерного, такого как *comino pesto*, содержавшегося в *albarello* и покрытиях для банок. Она также заставляет нас задавать вопросы о множестве областей культуры Ренессанса от ремёсел, потребления и кухни до практик заботы о здоровье, контроля над насекомыми-вредителями и даже животноводства, а также, конечно, истории коллекционирования.

Данте как объект

Второй объект, находящийся под нашим вниманием, это статуя Данте во Флоренции. Он в значительной отличен от

Ренессансной банки и в масштабе, и в локации: это крупный монументальный объект, находящийся в открытом публичном месте напротив церкви Санта Кроче во Флоренции. Однако, несмотря на очевидные различия, материальный анализ объекта идентичным образом выявляет транс-темпоральные, транс-национальные и культурные проблемы, требующие критического внимания. Статуя, которая была возведена в 1865 году, конечно может быть рассмотрена с точки зрения ее художественных качеств (которые не оцениваются как особенно выдающиеся), а также может быть исследована в контексте художественного наследия города Флоренция. Однако материальный подход к статуе требует более широкого контекста, который требует исследовать относительность объекта, практики, которые окружают этот объект и взаимоотношения между присутствием и отсутствием, воплощенные в нем.

В терминах относительности, позиционирование статуи у фасада Санта Кроче было умышленным решением для того, чтобы совершить привязку к ассоциируемой культуре величия и воспоминания, которые были сконструированы через пантеонизацию интерьера Санта Кроче. Акторно-сетевая теория Б. Латура призывает нас обращать внимание на то, как соотносятся объекты, как они приобретают значение через близость и как они взаимодействуют со своим окружением [74–76]. Изначально предполагалось, что статуя окажется в Равенне, но её последующее расположение на площади перед итальянским «пантеоном» изменила восприятие объекта, так как его близость и географическая определенность прибавила иные интерпретативные возможности. В ландшафте, который включает в себя церемониальный центр памяти, монумент должен прочитываться в контексте этих взаимодействий. И другие подобные статуи Данте приобретали значение от своего окружения, в частности монумент Данте в Тренто, чье расположение в пограничном контексте повлияло на модифицированные формы взаимодействия

с объектом [77]¹². Статуя во Флоренции изначально располагалась в центре площади, но затем была подвинута в виду проблем с передвижением и сейчас находится слева от главного фасада здания. Это изменение в отношении центральной позиции может также быть прочитано как модификация отношений внутри города: в 1865 году Данте занимал центральное место, его присутствие требовалось в качестве объединяющей фигуры для совсем недавно объединенной нации; в последующие десятилетия эта роль стала более периферийной.

Однако, значительная часть смыслового содержания объекта исходит не только из его художественного описания и локации, но также, и часто в большей степени, из ритуалов и практик, связанных с ним. В 1865 году статуя являлась центральной частью фестивалей Данте, которые отмечали 600-летие со дня рождения поэта (см.: [78. Р. 65–82] и [79]). Флоренция только что стала столицей Италии и ритуалы проводились со всей страстью Риссорджименто, с фигурой поэта, которая позиционировалась в качестве символического объединителя Италии, а также церемониями, которые побуждали эмоциональный отклик в отношении каменного монумента. Сам монумент был торжественно открыт с ритуальными церемониями, которые многое заимствовали из мира религии, и стал использоваться в националистической манере. Через ассоциируемые с ней ритуалы и практики статуя стала репрезентацией желанной Итальянской нации, идеи единства и величия. Вовлечённые в церемонии, эти быстротечные, эфемерные концепты нашли свою материальную форму в объекте во Флоренции. Но и сами ритуалы эфемерны, и недостаток воспроизводимости ритуала или формы пользования объектом отражаются на чувстве ценности и эмоционального

¹² Другие статуи Данте, которые приобрели значимость от локации включают монументы в Вероне (1865), Ровиго (1865), Бассано (1865), Мантуе (1871), Неаполе (1871).

окружения объекта. Исчезающие ритуалы, окружавшие статую Данте во Флоренции, отражают сниженную релевантность, а последовавшее передвижение из центра площади репрезентативно в изменении его значимости. Сегодня статуя в значительной мере стала игнорируемым объектом, поставленным на край площади и окруженным туристами, ожидающими в очереди на вход в Санта Кроче. Следовательно, критически важно не только исследовать современные практики во время создания объекта, но и проследивать их использование (или отсутствие такового) с течением времени.

Статуя является большим, укорененным присутствием во Флоренции, но конструктивно рассматривать не только то, что присутствует в объекте, но также и отсутствие, сосуществующее в его форме. Именно отсутствие было тем, что изначально дало статуе появиться: несмотря на статус города в наибольшей степени ассоциирующегося с Данте, во Флоренция не обладала останками поэта. Это остро переживаемое отсутствие подпитало желание создать физически воплощенную память о поэте, что нашло свое воплощение в монументе Данте внутри Санта Кроче (1830) и в статуе поэта снаружи церкви (1865). Материальность — это не только размышление о физическом присутствии объекта, но также подразумевает рассмотрение дихотомии, в которой присутствие находится в диалоге с отсутствием. Действительно, именно то, что отсутствует, придаёт объекту его силу, например, в случае с мемориальной статуей, её сила исходит из памяти о чём-то, что уже ушло и физически отсутствует. Материальные объекты могут иметь значительную роль в опыте переживания горя, траура и меморализации, и, как отмечают многие теоретики культурной памяти, объекты выражают потерю и отсутствие, часто формируя социальную функцию в ритуале воспоминания [80].

Можно высказать утверждение, что необходимость в подобных празднованиях и статуях в Италии девятнадцатого века само является свидетельством отсутствия чувства

национальной идентичности. Такие объекты служили для заполнения пустых мест в чувстве национальной принадлежности и обеспечивало единство там, где его не было. Таким образом охват материальной культуры не ограничен физическим присутствием объекта, но также включает то, что *не* присутствует и *не* материально¹³. Например, часто внимание обращают на надписи на монументах и информацию, которую они содержат, но что касается отсутствия надписей? Что, например, можно прочесть в невозможности людей, ответственных за возведение статуи Данте в Неаполе, договориться о содержании надписи в основании статуи в 1871 году? Важно ли это пустое место? Подобным образом, что значит отсутствие каких-либо крупных церемоний, которые должны были бы отпраздновать открытие статуи в Неаполе? Как отсутствие подобного ритуала сказывается на значимости статуи? Более того, как мы должны интерпретировать последующее заполнение этого пустого места 24 мая 1931 года в Фашистскую эпоху словами «All'Unità d'Italia raffigurata in Dante Alighieri»? (Единству Италии, описанному Данте Алигьери) [81. P. 81–85].

Материальная культура пережила то, что может быть описано как текстуальный поворот, который требует «прочитывание» объекта в контексте их изменяющегося окружения, пытаясь извлечь культурный код, который проявляется в объекте. Однако с конца 1990-х, был совершён отход от представления, что язык/объекты кодируют значение, в пользу представления, что язык/объекты обладают «агентностью в дискурсивном взаимо-конструировании значения» [82. P. 313]. Следовательно, уже недостаточно просто прочесть статую Данте в её географическом, физическом и культурном значении; роль статуи и связанные с ней лингвистические, культурные и материальные связи также должны быть частью

¹³ В определение материального Даниэль Миллер также включает эфемерное, воображаемое, биологическое и теоретическое.

дискуссий. Таким образом материальная культура требует анализа, который не только исследует статую как объект, который обеспечивает эстетическое переживание или символической значение, скорее, он ставит под вопрос медиальность и модальность рассматриваемого объекта и его агентность в процессе производстве взаимопроникающих смыслов.

Будущие направления

От повседневных объектов к публичным монументам и к современному искусству и материальным текстам, материальный подход к Итальянской культуре предлагает новые методологии и новый, расширенный источник для исследований. Как сказал Жюль Праун, «техники материальной культуры должны быть частью набора инструментов хорошо снабженного исследователя культуры» [2. P. 5]. В нашей дискуссии мы подчеркнули как Italian Studies интегрировала эту методологию в свой набор инструментов, иногда в таких формах, что становятся явными лишь ретроспективно. Это, однако, развивающийся инструментарий, и в этом финальном разделе мы подчеркнем некоторые области, которые, по нашему мнению, предлагают интересные возможности и будущие тренды в области исследования.

Заметная и в данный момент актуальная область исследования в рамках материальной культуры связана с телесной интеракцией с объектами в прошлом и в настоящем. Как исследовательское поле, в нём исследуются новые и инновационные формы контакта с объектами, но также оно предоставляет новые возможности для коллабораций за границами академического изучения и новых форм преподавания с включением объектов. Интерес к материальности тела очевиден в проектах, которые на данный момент ожидают своих публикаций¹⁴.

¹⁴ Ко времени публикации в Kings Colledge London ведется проект Кожа Ренессанса, который исследует материальность кожи (человеческого тела и животных продуктов) и как эти материалы

Связь между материальной культурой и историей чувств также вышло на первый план, с тем как исследователи изучают сенсорную вовлеченность с объектом [83]. С исследованиями Флоры Деннис, изучающей материальную культуру звука, и Адрианы Рандольф, изучавшей тактильное вовлечение с объектом, область чувств остается многообещающей областью будущих исследований [84. P. 191–210; 85. P. 371–382]. Исследования Материальной Культуры могут помочь нам восстановить как люди воспринимали Итальянскую материальную культурную через прикосновения, вкус, запах, звук и зрение. Современный академический интерес к истории чувств, в частности в отношении к материальной культуре, также пересекается с исследованиями аффектов и эмоций, а также *performance theory*, предоставляя возможности расширить наше понимание опыта человеческого взаимодействия с материальными объектами.

В дополнение к исследованию вкуса в отношении к чувствам, неудивительно, что материальная культура питания должна иметь видное присутствие в *Italian Studies* и что она является областью богатой для будущих исследований [86–93]. Исследование культуры питания уже вышло за границы производства и потребления еды в Италии в процессе изучения того, как еда становится частью опыта миграций [94; 95]. Другие фокусировались на эфемерных продуктах питания и книгах рецептов, а также материальной культуре застолья [96–99; 100. P. 135–174]. Исследователи семнадцатого и восемнадцатого века также рассматривали еду как материальную культуру, изучая Барочную застольную обстановку элитарности, создававшей зрелище со сложными сахарными

использовались и ценились в Европе с 1450 по 1700 годы, в его рамках работают и с итальянским контекстом. Главным исследователем выступает Эвелин Велч, проект спонсируется Wellcome Trust Senior Investigator Award (2016–2021): URL: <https://renaissanceskin.ac.uk/> (access: 08.03.2019).

скульптурами, в то время как другие исследовали новые типы материальной культуры, связанные с производством и потреблением новинок питания, таких как мороженое, в Италии [101]. Усилия в экспериментировании с техниками рецептов для лучшего понимания исторического производства еды и сенсорного опыта питания также в последнее время заинтересовало исследователей в Италии и за ее пределами; в то время как проблемы получения исторической достоверности подрывают подобные эксперименты, они позволяют нам приближаться к пониманию эфемерного вкуса прошлого.

Подобные исследования приводят к появлению новых методологий, которые расширяются за границы традиционного «чтения» объектов, к экспериментам по восстановлению и реконструкции, к деятельности, которая может убедительно быть использована и в аудитории, и в более широких практиках. Скорее, чем анализировать объекты через образы, возможность самостоятельно выполнить или участвовать в реконструкции методов позволяет исследователям развивать материальное понимание объекта, в котором тактильный опыт находится на переднем плане [102–104]. Совместная работа с производителями, использующими традиционные методы, позволяет исследователям лучше понимать качественные аспекты материалов, а также методы изготовления и формы передачи знания о создании объекта. Эти новые подходы к Исследованиям Материальной Культуры также предлагают возможности расширить опыт изучения Итальянской культуры в аудитории, начиная с объектно-ориентированного обучения до комплиментарных техник цифровых гуманитарных наук, таких как цифровое картографирование и создание трехмерных образов. Эти техники предоставляют возможность презентации исследований для более широкой аудитории и проведения просветительской деятельности, что находится на первом плане многих спонсируемых исследовательских проектов.

Материальная культура уже долгое время занимает центральное место в коллаборациях между академическими исследователями и музейными профессионалами, архивистами и библиотекарями, в которых объекты составляют центральное место выставок и связанных с ними исследовательских проектах. Для хранителей и экспертов отдельных коллекций, обладающих ценными навыками и знаниями о типах объектов, которые они сохраняют (например, истории их производства и коллекционирования), дальнейшее развитие отношений с исследователями в музеях, архивах и библиотеках составит новые и инновационные исследования Итальянской материальной культуры. За пределами новых выставок и совместных исследовательских проектов, коллаборации между академией и культурными институциями могут обеспечить возможность изучить методологию восстановления материальной культуры для создания «осязаемых» моделей объектов, которые могут быть не только наблюдаемы, но и быть доступными для осязания, вкуса и обоняния. Эти типы программ с областью культурного наследия позволяют исследователям Italian Studies делиться результатами их работы и представлять более детализированный опыт Итальянской культуры для более широкой публики [105].

За последние десятилетия исследования материальной культуры в Italian Studies позволили раскрыть потерянные, забытые или в прошлом игнорируемые аспекты Итальянской культуры; они создали фокус на пространстве дома и деятельности в повседневной жизни; они обеспечили транс-темпоральные и транс-национальные исследования Итальянской культуры и предоставили возможность использовать более широкую оптику и иной фокус в понимании феномена *italianità*. Более того, материальная культура спровоцировала исследователей пользоваться более широкой селекцией источников культурного материала и дала дорогу ученым выйти за традиционных границ Italian Studies, вступая в контакт

с исследователями комплиментарных дисциплин для того, чтобы новые стороны значения и развить более глубокое понимание объектов. С тем, как исследователи продолжают изучать аффективные и сенсорные качества вещей, а коллаборации за пределами академического мира и вовлечение материальных объектов в школьные аудитории, совершенно ясно, что материальная культура продолжит расширять границы Italian Studies тем, что она предстает коллаборативной, пористой (porous), и развивающейся дисциплиной.

Список литературы | References

1. Auslander L. “Beyond Words”, in *American Historical Review*, 2005, 110(4): 1015–1016.
2. Prown J. “Mind in Matter: An Introduction to Material Culture Theory and Method”, in *Winterthur Portfolio*, 1982, 17(1): 1–19.
3. Stahl A. “Material Histories”, in Hicks D., Beaudry M. (eds.) *The Oxford Handbook of Material Culture Studies*, Oxford, Oxford University Press, 2010: 150–172.
4. Duncan D. “Italian Studies: Cultural Studies”, in *Italian Studies*, 2010, 65(3): 308–309.
5. Hom S. “Italy Without Borders: Simulacra, Tourism, Suburbia, and the New Grand Tour”, in *Italian Studies*, 2010, 65(3): 376–397.
6. O’Connor A. “Dante Alighieri — from Absence to Stony Presence: Building Memories in Nineteenth-Century Florence”, in *Italian Studies*, 2012, 67(3): 307–335.
7. Hajek A. “‘Mmmmm quanti, ma quanti ricordi mi evocano queste foto...’: Facebook and the 1977 Family Album: The Digital (R)evolution of a Protest Generatio”, in *Italian Studies*, 2012, 67(3): 375–396.
8. Krist P. “Three Popes and the Fountain in Memory: Shaping the Trevi for Performances of Power”, in *Italian Studies*, 2016, 71(4): 421–446.
9. Bartoloni P., Ricatti F. “David Must Fall! Decentring the Renaissance in Contemporary and Transcultural Italian Studies”, in *Italian Studies*, 2017, 72(4): 361–379.
10. Brioni S. “A Station in Motion: Termini as Heterotopia”, in *Italian Studies*, 2017, 72(4): 443–454.

11. Hamlin T., Richardson C. (eds.) *Everyday Objects: Medieval and Early Modern Material Culture and its Meanings*, Farnham, Ashgate, 2010: 1–23.
12. Miller D. *Material Cultures: Why Some Things Matter*, Chicago, University of Chicago Press, 1998.
13. Cottini L. *The Art of Objects: The Birth of Italian Industrial Culture, 1878–1928*, Toronto, University of Toronto Press, 2018.
14. Brundin A., Howard D., Laven M. *The Sacred Home in Renaissance Italy*, Oxford, Oxford University Press, 2018.
15. Semprini A. *Il senso delle cose: i significati sociali e culturali degli oggetti quotidiani*, Milano, Angeli, 1999. (In Ital.)
16. Landowski E., Marrone G. *La società degli oggetti: problemi di interrogatività*, Roma, Meltemi, 2002. (In Ital.)
17. Deni M. *Oggetti in azione: semiotica degli oggetti. Dalla teoria all'analisi*, Milano, Angeli, 2002. (In Ital.)
18. Hodder I. “Wheels of Time: Some Aspects of Entanglement Theory and the Secondary Products Revolutio”, in *World Prehistory*, 2011, 24: 175–187.
19. Bodei R. *La vita delle cose*, Rome, Laterza, 2009. (In Ital.)
20. Yates J. “Taking Things by Surprise”, in *Los Angeles Review of Books*, 2015.
URL: <https://lareviewofbooks.org/article/taking-things-by-surprise-remo-bodei/> (access 09.04.2019).
21. Bartoloni P. *Objects in Italian Life and Culture*, New York, Palgrave Macmillan, 2016.
22. Forgas D., Lumley R. (eds.), *Italian Cultural Studies: An Introduction*, Oxford, Oxford University Press, 1996.
23. Scarpellini T. *Material Nation: A Consumer's History of Modern Italy*, Oxford, Oxford University Press, 2011.
24. Garofalo D. *Storia sociale della televisione in Italia: 1954–1969*, Venice, Marsilio, 2018. (In Ital.)
25. Paris I. “White Goods in Italy during a Golden Age (1948–1973)”, in *Journal of Interdisciplinary History*, 2013, 44(1): 83–110.
26. Meloni P. “Cultura materiale, pratiche di consumo, oggetti domestici: un etnografia in Toscana”, in *Studi culturali, Rivista quadrimestrale*, 2011, 23: 395–414. (In Ital.)
27. Asquer E. *La rivoluzione candida: storia sociale della lavatrice in Italia (1945–1970)*, Roma, Carocci, 2007. (In Ital.)

28. Goldthwaite R. "The Economic and Social World of Italian Renaissance Maiolica", in *Renaissance Quarterly*, 1989, 42(1): 1–32.
29. Olson R., Reilly P., Shepherd R. (eds.) *The Biography of the Object in Late Medieval and Renaissance Italy*, Malden, MA, Blackwell, 2005.
30. Jardine L. *Worldly Goods*, London, Macmillan, 1996.
31. Howard D. *Venice and the East: The Impact of the Islamic World on Venetian Architecture, 1100–1500*, New Haven, Yale University Press, 2000.
32. Alaoui B. *Venice and the Islamic World, 828–1797*, New York, Metropolitan Museum of Art, 2007.
33. Findlen P. "Possessing the Past: The Material World of the Italian Renaissance", in *The American Historical Review*, 1998, 103(1): 83–114.
34. Thornton D. *The Scholar in His Study: Ownership and Experience in Renaissance Italy*, New Haven, Yale University Press, 1998.
35. Syson L., Thornton D. *Objects of Virtue: Art in Renaissance Italy*, Los Angeles, The J. Paul Getty Museum, 2001.
36. Brown P. *Private Lives in Renaissance Venice: Art, Architecture, and the Family*, New Haven, Yale University Press, 2004.
37. Ago R. *Il gusto delle cose: una storia degli oggetti nella Roma del Seicento*, Roma, Donzelli, 2006. (In Ital.)
38. Bayer A. and others, "Art and Love in Renaissance Italy", in Bayer A. (ed.), *Exhibition catalogue*, New York, Metropolitan Museum of Art, 2008.
39. Musacchio J. *Art, Marriage, and Family in the Florentine Renaissance Palace*, New Haven, Yale University Press, 2008.
40. Baskins C., Randolph A., Musacchio J., Chong A. *The Triumph of Marriage: Painted Cassoni of the Renaissance*, Boston, Isabella Stewart Gardner Museum, 2008.
41. Musacchio J. *The Art and Ritual of Childbirth in Renaissance Italy*, New Haven, Yale University Press, 1999.
42. Musacchio J. "Lambs, Coral, Teeth, and the Intimate Intersection of Religion and Magic in Renaissance Tuscany", in Cornelison S. Montgomery S. (eds.) *Images, Relics, and Devotional Practices in Medieval and Renaissance Italy*, Tempe, Arizona Center for Medieval and Renaissance Studies Press, 2006: 138–156.
43. Frick C. *Dressing Renaissance Florence: Families, Fortunes, and Fine Clothing*, Baltimore, Johns Hopkins University Press, 2005.

44. Giuliani C., Hodgson K. (org.) “*All Things Considered... Material Culture and Memory*”, conference, University College York, Ireland, 2018. URL: <http://casilac.ie/portfolio-item/november-9-10-2018-all-things-considered-material-culture-and-memory/> (access: 20.08.2019).
45. Book History Journal. URL: <https://www.press.jhu.edu/journals/book-history> (access: 20.08.2019).
46. Nichols S. “Introduction: philology in a manuscript culture” in *Speculum*, 1990, 1 (65): 1–10.
47. Valvaro A. “La ‘New Philology’ nella prospettiva italiana”, in *Glossgen, M–D.*, Lebsanft F. (ed.) *Alte und neue Philologie*, Tübingen, Niemeyer, 1997: 35–42. (In Ital.)
48. Valvaro A. “The ‘New Philology’ from an Italian Perspective” in *Text*, 1999, 12: 49–58.
49. Richardson, B., *Print Culture in Renaissance Italy: The Editor and the Vernacular Text 1470–1600*, Cambridge, Cambridge University Press, 1994.
50. Richardson B., *Manuscript Culture in Renaissance Italy*, Cambridge, Cambridge University Press, 2009.
51. Italian Voices: Oral Culture, Manuscript and Print in Early Modern Italy, 1450–1700. URL: <https://arts.leeds.ac.uk/italianvoices/> (access: 20.08.2019)
52. Santoro M., Marino M., Pacioni M. *Dante, Petrarca, Boccaccio e il paratesto: le edizioni rinascimentali delle ‘tre corone’*, Roma, Edizioni dell’Ateneo, 2006. (In Ital.)
53. Armstrong G. “Paratexts and their Functions in Seventeenth-Century English Decamerons”, in *Modern Language Review*, 102(1): 40–57. (In Eng.)
54. Armstrong G. “Print, Paratext, and a Seventeenth-Century Sammelband: Boccaccio’s *Ninfale fiesolano* in English Translation”, in Barker S., Hosington B. (eds.) *Renaissance Cultural Crossroads: Translation, Print and Culture in Britain, 1473–1640*, Leiden, Brill, 2013: 79–99.
55. Daniels R. “Reading Boccaccio’s Paratexts: Dedications as Thresholds between Worlds”, in Holmes O., Stewart D., (eds.) *Reconsidering Boccaccio: Medieval Contexts and Global Intertexts*, Toronto, University of Toronto Press, 2018: 48–80.
56. Daniels R. “Where Does the Decameron Begin? Editorial Practice and Tables of Rubrics”, in *Modern Language Review*, 2019, 114: 52–78.

57. Antonello P. "Visible Books, Unreadable Books: Bruno Munari's Iconotextual Playground", in *Italian Studies*, 2019, 74(4): 331–351.
58. Moore S., Ghirardi G. "True of Type: Franco Maria Ricci", in *Apollo*, 2019, 190: 62–68.
59. Vignelli M., Cifuentes-Caballero B. *Design: Vignelli, 1954–2014*, New York, Rizzoli International Publications, 2018.
60. The British Museum website. Albarello', ('1885,0508.23).
URL: https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?assetId=49758001&objectId=37496&partId=1 (access: 12.12.2018).
61. Wilson T. "A History of the British Museum Collection of Italian Renaissance Ceramics", in Thornton D., Wilson T. (eds.) *Italian Renaissance Ceramics: A Catalogue of the British Museum Collection*, 2 vols, London, British Museum Press, 2009, vol. I: 4–29.
62. Turpin A. "Objectifying the Domestic Interior: Domestic Furnishings and Historical Interpretation of the Italian Renaissance Interior", in Campbell E., Miller S., Consavari E. (eds.) *The Early Modern Italian Domestic Interior, 1400–1700: Objects, Spaces, Domesticities*, Farnham, Ashgate, 2013, London, Routledge, 2016: 207–225; 207–211.
63. Wilson T. *Maiolica: Italian Renaissance Ceramics*, New Haven, Yale University Press, 2016.
64. Kennedy T. "Cat. 187, attributed to Domenico da Venezia (active 1540–1568)" in Albarello', in Alaoui B. and others *Venice and the Islamic World, 828–1797*, New York, Metropolitan Museum of Art, 2007: 347–348.
65. Wilson T., Thornton D. "Cat. 117: Albarello", in Thornton D., Wilson T. (eds.) *Italian Renaissance Ceramics: A Catalogue of the British Museum Collection*, 2 vols, London, British Museum Press, 2009, vol. I: 183–184.
66. Chao S.-L. *Rethinking the Concept of the Grotesque: Crashaw, Baudelaire, Magritte*, Abingdon, Legenda, 2010.
67. Welch E. *Shopping in the Renaissance*, New Haven, Yale University Press, 2005.
68. The British Museum website. Albarello' ('1885,0508.23)
URL: https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details.aspx?assetId=49758001&objectId=37496&partId=1 (access: 12.12.2019).

69. Scappi B. "Per fare una cominata alla Romanesca. Cap. CXCII", in *Opera di M. Bartolomeo Scappi, Cvcoco secreto di Papa Pio V divisa in sei libri*, Venice, Michele Tramezzino, 1570.
URL: <https://books.google.com/books?id=HD1bAAAAcAAJ&dq=%22comino%20pesto%22%20scappi&pg-PA73-IA1#v=onepage&q=%22comino%20pesto%22&f=false> (access: 13.12.2018).
70. Di Schino J., Luccichenti F. *Il cuoco segreto dei Papi: Bartolomeo Scappi e la Confraternita dei cuochi e dei pasticciieri*, Roma, Gangemi, 2007. (In Ital.)
71. Celebrino E. *Opera Nova Piacevole laqvale Insegna di Far Varie compositioni odorifere per far bella ciaschuna donna. Et agiontoui molti secreti necessarii alla salute humana como in la tabula se contiene. Intitulata VENVSTA*, Venice, Francesco Bindoni & Mapheo Pasini, 1550.
URL: https://www.google.com/books/edition/_/aqJkAAAAcAAj?hl=en&kptab=overview (access: 20.04.2020). (In Ital.)
72. Raimondi E. *Delle caccie di Eugenio Raimondi Bresciano, Libri Quattro Aggiuntoui 'n questa nuova 'mpressione altre caccie che sperse in altri libri andauano*, Venezia, 1630.
URL: <https://books.google.com/books?id=cQ1fAAAAcAAJ&dq=cominopesto&pg=PA65v=onepage&q=cominopesto&f=false> (access: 13.12.2018). (In Ital.)
73. Musacchio J. *Marvels of Maiolica: Italian Renaissance Ceramics from the Corcoran Gallery of Art Collection*, Charlestown, Bunker Hill, Corcoran Gallery of Art, 2004.
74. Latour B. "On Actor-Network Theory: A Few Clarifications Plus more than a Few Complications", in *Soziale Welt*, 47(4), 1996: 369–381.
Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017, № 1. С. 173–200. (In Russ.)
75. Latour B. *Pandora's Hope: Essays on the Reality of Science Studies*, Cambridge, MA, Harvard University Press 1999.
76. Latour B. *Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory*, Oxford, Oxford University Press, 2004.
Латур Б. Пересборка социального. Введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. (In Russ.)

77. Lorenzi G., Zotta G., Benvenuti S. *Il monumento a Dante a Trento: storia e significati*, Trento, Temi, 1992. (In Ital.)
78. O'Connor A. "Florence: City and Memory in the Nineteenth Century", in *Florence: Città di Vita*, 2008: 65–82.
79. Yousefzadeh M. *City and Nation in the Italian Unification*, New York, Palgrave Macmillan, 2011.
80. Forty A., Küchler S. *The Art of Forgetting*, Oxford, Berg, 1999.
81. Tobia B. "La statuaria dantesca nell'Italia liberale: tradizione, identità e culto nazionale", in *Mélanges de l'Ecole française de Rome: Italie et Méditerranée*, 1997, 109(1): 75–87. (In Ital.)
82. Burkette A. "Response by Burkette to "Translation and the Materialities of Communication"", in *Translation Studies*, 2016, 9(3): 1–5.
83. Quiviger F. *The Sensory World of Italian Renaissance Art*, London, Reaktion Books, 2010.
84. Dennis F. "Resurrecting Forgotten Sound: Fans and Handbells in Early Modern Italy" in Hamlin T., Richardson C., (eds.), *Everyday Objects: Medieval and Early Modern Material Culture and its Meanings*, Farnham, Ashgate, 2010.
85. Dennis F. "Musical Sound and Material Culture", in Hamling T., Richardson C., Gaimster D. (eds.) *The Routledge Handbook of Material Culture in Early Modern Europe*, Abingdon, Routledge, 2017.
86. Randolph A. *Touching Objects: Intimate Experiences of Italian Fifteenth-Century Art*, New Haven, Yale University Press, 2014.
87. Scarpellini E. *Food and Foodways in Italy from 1861 to the Present*, New York, Palgrave, 2016.
88. Capatti A., Montanari M., *La cucina italiana: storia di una cultura*, Bari, Laterza, 2005. (In Ital.)
89. Helstosky C. *Garlic and Oil: Politics and Food in Italy*, Oxford, Berg, 2004.
90. Gentilcore D. *Pomodoro! A History of the Tomato in Italy*, New York, Columbia University Press, 2010.
91. Gentilcore D. *Italy and the Potato: A History, 1550–2000*, London, Bloomsbury, 2012.
92. Grieco A. "Food and Social Classes in Late Medieval and Renaissance Italy", in Flandrin J.-L., Montanari M. (eds.) *Food: A Culinary History from Antiquity to the Present*, New York, Columbia University Press, 1999: 302–312.

93. Grieco S. "Medieval and Renaissance Wines: Taste, Dietary Theory, and How to Choose the "Right Wine" (14th–16th Centuries)", in *Medievalia*, 2009, no. 30: 15–42.
94. Diner H. *Hungering for America: Italian, Irish, and Jewish Foodways in the Age of Migration*, Cambridge, MA, Harvard University Press, 2001.
95. Cinotto S. *The Italian American Table: Food, Family, and Community in New York City*, Chicago, University of Illinois Press, 2013.
96. Varriano J., *Tastes and Temptations: Food and Art in Renaissance Italy*, Berkeley, University of California Press, 2009.
97. McIver K. *Cooking and Eating in Renaissance Italy: From Kitchen to Table*, Lanham, Rowman & Littlefield, 2015.
98. Krohn D. *Food and Knowledge in Renaissance Italy: Bartolomeo Scappi's Paper Kitchens*, London, Routledge, 2015.
99. Attlee H. *The Land Where Lemons Grow: The Story of Italy and Its Citrus Fruit*, London, Particular, 2014.
100. Calaresu M. "Coffee, Culture and Consumption: Reconstructing the Public Sphere in Late Eighteenth-Century Naples", in Gatti A., Zanardi P. (eds.) *Filosofia, scienza, storia: il dialogo fra Italia e Gran Bretagna*, Padova, Il Poligrafo, 2005. (In Ital.)
101. Reed M. *The Edible Monument: The Art of Food for Festivals*, Los Angeles, Getty Research Institute, 2015.
102. Calaresu M. "Making and Eating Ice Cream in Naples: Rethinking Consumption and Sociability in the Eighteenth Century", in *Past & Present*, 2013, 220(1): 35–78. (In Eng.)
103. The making and knowing project. Intersection of craft making and scientific knowledge.
URL: <https://www.makingandknowing.org/about-the-project/> (access: 11.04.2019).
104. Refashioning the Renaissance. URL: <http://refashioningrenaissance.eu/> (access: 08.03.2019).
105. Sugaropolis project. URL: <https://www.robinjss.co.uk/sugaropolis> (access 30.08.2019).